

А.А. Байков

Странная дружба России и НАТО

Отношения между Россией и НАТО иначе как «странными» назвать трудно. «Станный» в данном случае - это уже почти что устоявшийся термин в истории международных отношений. В 1939-1940 годах именно им окрестили то фантазмагорическое состояние как бы войны, находясь в котором некоторые из наших будущих партнеров по «большой тройке» участвовали в отражении агрессии германского нацизма. Сегодня те же, к примеру, Великобритания и Франция, наравне с другими державами трансатлантического пространства, образуют ядро самой мощной военно-политической организации в мире (если не брать в расчет впечатляющие цифры о потенциале ШОС, конечно), а в России между тем по-прежнему удивляются, почему она не оставляет попыток оказаться в этой «странной» компании, с которой у нее как бы дружба.

Насколько серьезны эти попытки? В будущий понедельник, 15 октября, в Брюсселе в очередной раз пройдет одно из ставших уже будничными неформальное заседание Совета «Россия - НАТО» на уровне министров обороны. НАТО - альянс военный, хотя политическая составляющая в нем, пожалуй, едва ли не затмила его изначальный оборонный характер, и от обороны в его деятельности мало что осталось. Наверное, поэтому встречи министров иностранных дел проходят в формате Совета «Россия - НАТО» с гораздо меньшим интервалом, чем их коллег по военному ведомству. Обсуждать дипломатам приходится больше, но при этом менее откровенно и куда более деликатно.

Говорят, на любых встречах «Россия - НАТО» всегда много, но расплывчато, итоговые документы изобилуют общими местами. Острые углы предпочитают обходить стороной: как-никак дорожат механизмом Совета. Ему, между прочим, в этом году минуло пять лет с момента учреждения в мае 2002 г. на военной базе Пратика-ди-Маре близ Рима. Срок в условиях нынешней международной турбулентности внушительный, невольно выталкивающий нас на рассуждения обобщающего свойства.

В 2002 г. мечталось, что в отношениях Россия - НАТО достигнут качественный прорыв. Оптимистический тон был выдержан и в названии принятой тогда декларации «Отношения Россия - НАТО: новое качество». В иллюзию «нового качества», похоже, с особым энтузиазмом поверили тогда именно в Москве. Сближение России с некогда враждебным блоком, угрожающе нависшим над рубежами родины, а в 1999 г. вновь показавшего опасный «антиславянский» оскал в Косово, казалось, органично вписывается в канву других шагов по подтягиванию России к желаемому уровню стратегического партнерства. Тема борьбы с международным терроризмом, изрядно навязшая на зубах (не в силу ослабления ее остроты, а в силу неумеренности ее тиражирования) стала своеобразным «маркером» этого партнерства. Эта тема не исчезла с повестки дня встреч в рамках Совета и сегодня. Больше того: она в ней безраздельно господствует, томясь от затянувшегося одиночества. Как видно, с тех пор сам список тем не особенно пополнился. Тем реального обсуждения. В то же время для вопросов, действительно требующих обсуждения, формат Совета, вероятно, не вполне и годится.

То, что проблемы между Россией и НАТО есть; то, что круг этих проблем расширяется - повторять вряд ли нужно. Продолжающиеся споры по действию/бездействию адаптированной версии Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и дискуссии по развертыванию элементов американской национальной

ПРО в новых странах-членах НАТО в Восточной Европе - самые выразительные тому свидетельства. С другой стороны, проблемы эти слишком фундаментальны, чтобы выносить их на рассмотрение структуры, исходно мыслившейся как сугубо компромиссное начинание. Как бы сказали в технике, этого не предполагает ее проектная мощь.

Цель Совета и всех подобных многочисленных механизмов (а их создано, надо признать, предостаточно) - хотя бы в какой-то мере упорядочить каналы политического диалога и взаимодействия специальных подразделений стран-участниц по линии Россия-НАТО. Диалог и в самом деле возобновился. Ведь после событий в Югославии Россия вообще на некоторое время заморозила все контакты с Североатлантическим альянсом. Присутствует и взаимодействие по специализированным направлениям: борьба с наркотрафиком, совместные контртеррористические учения.

Однако с точки зрения реальной динамики мировых процессов первоначальные ставки на эффективность Совета, по всей видимости, не оправдались. Не сбылись прогнозы романтиков, уверовавших в возможность постбиполярной идиллии двух прежних соперников, пусть и на фоне общей угрозы. Скорее, правы оказались те, кто предрекал Совету судьбу ОБСЕ: постепенную «провинциализацию» статуса и маргинализацию повестки дня.

Складывается понимание, что реальный центр властной энергетики и узел жизненных противоречий лежит в двусторонней плоскости. Наверное, поэтому переговоры на уровне глав внешнеполитических и оборонных ведомств США и России (пятница, 12 октября) волнуют аналитиков и комментаторов в несравнимо большей степени, нежели очередной обмен формально-декларативными «заготовками» на этих т.н. неформальных натовских встречах. Да и самой НАТО западные державы поручают все чаще лишь технико-логистические функции (к военным операциям в Афганистане и Ираке ее предпочли не привлекать: организации разбухла, стала внутренне более рыхлой, «капризной» и далеко не всегда единой).

Понижение интереса к НАТО, а следовательно и к функционирующим на ее базе структурам, - явление обоюдное и объективное. Для вновь вступивших членом или ряда стран, стремящихся к вхождению в НАТО, она сохраняет некую символическую ценность - свидетельство признания их «западности».

Но Россию эта риторика не должна вводить в заблуждение. Как не вводит она в заблуждение государства, стоявшие у самых истоков трансатлантической солидарности, которые давно осознали второстепенность НАТО в деле реального сохранения этой самой солидарности в нынешних условиях. Что бы ни обсуждали министры обороны 27 стран в начале будущей недели - а повестка дня встречи нас вряд ли удивит разнообразием и полемичностью - «странность» в отношениях Россия-НАТО сохранится. В конце концов, разве не странно выглядят регулярные дружеские встречи двух людей (а неформальность призвана подчеркнуть именно дружественный характер отношений партнеров), объединенных лишь убежденностью в необходимости поддерживать подобие дружбы?